

XIX.

Съ тѣхъ поръ какъ Фирсова дала Володѣ согласіе быть его женою, страшный инстинктъ самосохраненія и безумная жажда счастья овладѣли Володею. Будучи такъ близокъ къ осуществленію самыхъ завѣтныхъ своихъ мечтаній, онъ сдѣлался страшно боязливъ и подозрителенъ въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Ему казалось, что всѣ завидуютъ ему и каждую минуту готовы похитить у него сокровище. И онъ ревностно охранялъ его отъ всѣхъ. Когда же въ руки ему попала записка Лены, и онъ во-очію убѣдился въ томъ, что дѣйствительно его счастію можетъ угрожать опасность, онъ всей душою возненавидѣлъ сестру, а вмѣстѣ съ нею и дядю, котораго считалъ ея прямымъ совѣтникомъ и подстрекателемъ, и рѣшился во что бы то ни стало устранить съ своей дороги этихъ людей, такъ непрошенно вмѣшавшихся въ его личныя дѣла.

Поговоривъ съ отцомъ, онъ нѣсколько успокоился, но, придя въ свою комнату и оставшись наединѣ съ самимъ собою, Володя снова ощутилъ въ душѣ своей тревогу. Онъ раздѣлся-было и легъ, но ему не спалось. Было душно, и сумракъ лѣтней ночи, со всѣми ея странными переливами свѣта, его раздражалъ. Онъ снова всталъ, зажегъ лампу и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Волненіе, пережитое имъ сегодня по поводу Леночкиной записки, разстроило его нервы и породило бессонницу. Странныя мысли рождались въ его головѣ. То ему казалось, что онъ глупо сдѣлалъ, высказавъ отцу свои мысли, и онъ начиналъ раскаиваться въ этомъ. До сихъ поръ онъ никогда не дѣлился съ другими своими соображеніями, и всегда выходило хорошо. Зачѣмъ же онъ сдѣлалъ это теперь?.. То онъ начиналъ желать, чтобы скорѣе насталъ день... Немедленно же запречь лошадь и летѣть къ Фирсовой... То вдругъ страхъ его совершенно исчезалъ и смѣнялся радостной тревогой. Лучезарныя картины будущаго мелькали въ его воображеніи; сердце его билось усиленно; хотѣлось, чтобы какъ можно скорѣе прошло это время томительнаго ожиданія. „Ахъ, скорѣе бы сыграть свадьбу и уѣхать отсюда!“ — думалъ онъ и, улыбаясь, представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ мчаться на курьерскомъ поѣздѣ, окруженный всѣми удобствами, какъ въ окнахъ вагона будутъ мелькать предъ нимъ чудные виды заграничной природы, какъ прислуга отелей будетъ склоняться предъ нимъ, богатымъ русскимъ баринѣмъ... „Ахъ, скорѣе бы, скорѣе!“ — повторялъ онъ, и какія-нибудь двѣ-три